

УДК 882(09)

*М.А. Перепёлкин, У.А. Кобзарь****ТРАГЕДИЯ ВЕН. ЕРОФЕЕВА «ФАННИ КАПЛАН»
КАК ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ**

В статье проделан анализ сюжетно-смысловой структуры незавершенной трагедии Венедикта Ерофеева «Фанни Каплан». Трагедия трактуется как принесение в жертву мира, поглощенного хаосом.

Ключевые слова: В. Ерофеев, трагедия, сюжетно-смысловая структура, хаос, космос, жертвоприношение.

Трагедия Венедикта Ерофеева «Фанни Каплан» – последнее и незавершенное произведение писателя, работавшего над ним незадолго до смерти – в 1988–1990 гг. Полное название пьесы – «Фанни Каплан, или Диссиденты»; другое название – «Ночь на Ивана Купала». Пьеса была задумана В. Ерофеевым как первая часть трилогии «Три ночи» («Drei Nachte»), причем вторая ее часть – «Вальпургиева ночь, или Шаги командора» – была завершена еще в 1985 году, а третья так и не была начата. Что касается «Фанни Каплан», то ее рукописный оригинал, скорее всего, утерян, а сохранившаяся машинопись, по которой текст пьесы публикуется [1], содержит более или менее целостную запись части первого акта и несколько фрагментов из акта второго, а также подробно разработанную «афишу», которая начинается словами «вот сложился круг действующих в драме лиц».

Действие сохранившихся фрагментов трагедии (в дальнейшем – просто трагедии) происходит в приемном пункте посуды, за окошком которого все время так или иначе обнаруживает себя «длинный перечень», или очередь, впрочем, так и не появляющаяся, как замечается в афише, «чтобы действия не оживлять».

Первый акт представляет собой диалог находящихся внутри приемного пункта героев – Лжедмитрия I и Лжедмитрия II; в рамках этого диалога можно условно выделить три тематических и смысловых сегмента: до «прочищения горла», во время такового и после.

До «прочищения горла» герои говорят о своем состоянии, внутренних ощущениях и «духовных запросах».

Диалог во время «прочищения горла» касается в основном либо собственно алкоголя (сорта вин, какое вино следует подавать к какому блюду и т. д.), либо «дам» и взаимоотношений с ними («А я при дамах не падаю в обморок. И когда я первый раз услышал ее – я затаил дыхание, я слух и зрение затаил. Я затаил испускание и пот, пищеварение затаил, а ей – что ей – индифферентная баба, беспорывная баба! снежная баба!»), либо того и другого сразу («Никогда не следует пить бросать, сказала Эдит Пиаф, известная французская б...»). Отдельно следует сказать о поднимаемой героями во время этой части диалога проблеме различий между ними, разрешая которую собеседники и переходят от «сорт вин» к «дамам».

* © Перепёлкин М.А., Кобзарь У.А., 2017

Перепёлкин Михаил Анатольевич (mperepelkin@mail.ru), *Кобзарь Ульяна Александровна* (kobzarulya@gmail.com), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Диалог после «очищения горла» не везде ясен, так как сохранился только во фрагментах. Наиболее полный фрагмент — «угличский»; в нем ставится и выясняется вопрос, «отчего же они Лжедмитрии». Кто именно ведет этот диалог, тоже не вполне ясно, так как авторы всех реплик, кроме одной, принадлежащей Лжедмитрию I, не обозначены.

От второго акта сохранилось (или — было написано) всего несколько бессвязных диалогов — «беседа людей в сером с Лжедмитриями», реплика Аспазии («постоянная поставщица бутылок, подруга Розы»), диалог «блюстителя» с Фанни Каплан, Мишеля Каплана с неизвестным и еще один — небольшой — диалог двух Лжедмитриев друг с другом и с мнущейся за окном «клиентурой».

Такова структура сохранившегося текста пьесы. Попробуем сказать несколько слов о том, что стоит за всеми бессвязными на первый взгляд репликами, монологами и эпизодами.

Как уже было замечено, начинается пьеса диалогом Лжедмитриев об их занятиях, внутренних ощущениях, «высших упованиях» и т. п. Делясь друг с другом размышлениями о внутреннем состоянии и духовных запросах, герои актуализируют два принципиальных момента: свою невовлеченность в бытие, состоящее из каких-либо «занятий», кроме «сокрушенности сердца», и особого рода духовность, не имеющую ничего общего с духовностью тех, кто «не прочел и не слышал ни одной строчки Евангелия». Главное и единственное занятие Лжедмитриев — «кручиниться» и «тужить», то есть жить другой, внутренней, жизнью, не существующей, с точки зрения «длинного перечня», живущего как раз «занятиями», то есть Грохотом и Стуками в окошко. Соответственно, у этой д р у г о й жизни и д р у г е ценности, д р у г а я духовность, для объяснения дружости которой герою приходится прибегнуть к бурлескным характеристикам («духовных запросов... до... я и больше», «высших упований — что собак нерезанных», «святых порывов... до Ленинграда раком не переставить»). Заметим, что за бурлескностью стоит крайность, «крайний язык», на котором только и могут говорить герои.

Таким образом, в первой части диалога Лжедмитрии разделяют собою как две разные горизонтальные («там — здесь»), так и две разные вертикальные («верх — низ») пространственные (и смысловые) сферы, и именно в этом — в разделении разного — и состоит их сущность. Разделять разное означает сохранять порядок, не дать смешаться тому, что не должно смешиваться, ибо в противном случае хаос возобладает над космосом.

Каким образом Лжедмитрии могут обеспечить это космососозидающее разделение? Двоим. Во-первых, чтобы обеспечить разделение пространств и смыслов, герои всячески противопоставляют себя друг другу в диалоге, который строится как поединок, в котором то одна, то другая сторона нападает на противника, защищается, вновь нападает и т. д. Во-вторых, внутри себя каждый из героев тоже состоит из противоречий.

Обратимся теперь ко второй части диалога Лжедмитриев, которая выше была обозначена нами как часть «во время очищения горла».

«Прочистить» горло предлагает товарищу Лжедмитрий II, высказывающий предположения, что именно от того, что тот «еще не прочищал горла», у него «такие клекотания и мизантропизмы».

«Клекотания и мизантропизмы» — неприятие находящимися «на краях» Лжедмитриями всего, что протяженно, и всех, кто в этой протяженности пребывает. Непрочищенное горло это неприятие обостряет, «очищение же горла» если не нивелирует, то сглаживает, делает не столь острым.

Процесс сглаживания «крайностей» и демонстрируется в диалоге о сортах вина.

Обратим внимание на два момента: ранее не признававший никаких компромиссов и отвергавший все, что не имело отношения к крайностям, Лжедмитрий II неожиданно предлагает считать киндзмараули почти хванчакарой, а другой герой, Лжедмитрий I, также неожиданно соглашается с ним, хотя ранее демонстрировал крайнюю степень нонконформизма.

В дальнейшем эти – конформистские – склонности героев еще усугубятся, обнаружится основа, на которой этот компромисс мог возникнуть.

Лжедмитрий I фактически ставит знак равенства между двумя разными сортами вина, по крайней мере об одном из которых («киндзмараули») еще несколько мгновений назад он не имел ни малейшего представления. Более того, теперь он настолько убежден в их тождестве (киндзмараули = хванчакара), что ничтоже сумняшеся снимает возникшее было у его собеседника сомнение в том, что хванчакара – это и в самом деле хванчакара («Но почему-то в банке!..»). А вот для того, чтобы снять это сомнение, Лжедмитрию I оказывается нужен тот самый аргумент, который еще недавно, кажется, был просто противопоказан героям, возводящим на ступень идеала крайности («Какая нам разница!..»).

Найденного компромисса, в основе которого лежит неразличение разного, не могут поколебать уже никакие контраргументы и дополнительные условия. Из любой бескомпромиссной ситуации будет найден столь же абсурдный, но всесильный выход, и теперь его находит другой из Лжедмитриев – Лжедмитрий II.

Существенным для понимания и всей ситуации, и каждой произнесенной героями реплики является обстоятельство, в общем довольно точно осознаваемое читателем и без всяких подсказок, но тем не менее заостренное В. Ерофеевым в следующей ниже ремарке: «Оба пьют, но по харям их видно, что это не киндзмараули и не чхавери, а что-то тошнотворное и крепче».

Читатель, безусловно, и до этой ремарки был уверен в том, что красивые слова о сортах вина и изысканных закусках – это только слова, за которыми нет и не может быть ничего настоящего. Был уверен, но и не уверен в то же время: с одной стороны, откуда в приемном пункте посуды взяться «толиани», «саперави» и «артишокам» с «миндалем», а с другой – кто знает, может быть, именно там каким-то чудесным образом они и взялись?.. Но теперь, после этой ремарки, сомнений нет: все сказанное и перечисленное – это только слова, за которыми стоит пустота и ничего больше. И именно эта пустота является залогом найденного компромисса, именно она делает его возможным.

Диалог о сортах вина завершается выводом одного из Лжедмитриев об их – Лжедмитриев – исключительной разности («Ты еще больше почернел и вытянулся. А я, хоть и вытянулся, но светлее стал» и т. д.). Правда, исключительная разность оборачивается исключительным сходством, подобием, которое делается еще более явным в следующих далее рассуждениях героев о родинках Розы, одинаково знакомых им во всех подробностях, видимо, в силу того, что оба знакомы с Розой в одинаковой мере близости.

Апогеем этой путаницы становится диалог «после прочищения горла». Кто именно ведет этот диалог – неизвестно, так как, как уже было сказано выше, принадлежность реплик конкретным адресатам в нем не маркирована, за исключением одной реплики Лжедмитрия I («В Угличе детей не рожают. В Угличе их режут»). Возможно, это диалог двух пустот (которая в принципе одна), скрывающихся за масками Лжедмитриев.

Диалог открывается фразой «Так отчего же они Лжедмитрии?». Следующие далее реплики суть нагромождение нелепостей, подмен, кромешных противоречий и путаницы, приводящее к сверхабсурднейшему выводу: «А значит, это не настоящий Лже-

дмитрий» — «А коли так, почему позволяешь себе так говорить с «человеком»? Лжедмитрий — не настоящий, человек взят в кавычки. Все смешалось, и выход из этой путаницы только один, и вот о нем-то — в полном соответствии с «путаным» в самой своей основе текстом — В. Ерофеев сказал... в самом начале пьесы, еще до первого акта.

Постоянно тревожно.

Музыка в трагедии не исполняется. А приводится в исполнение. Пьеса закончится сокрушительно. Не останется никого — НИКОГО? — никого. — А зачем НИКОГО? — А зачем оставаться. Жребий брошен. Круг очерчен. Корабли сожжены.

В этой «ремарке» также спутано все, что может быть спутано: синтаксис (вместо ожидаемой после «не исполнится» запятой ставится точка, и предложение разбивается на два), графическое оформление (реплики могут оформляться как реплики в диалоге, а могут и не оформляться; строчные буквы неожиданно превращаются в прописные и наоборот), грамматика (следовало бы спросить «почему никого», а не «зачем»), семантика («музыка... не исполняется. А приводится в исполнение», неожиданно оборачиваясь приговором) и т. д. Наконец, как уже указывалось, эта вступительная «ремарка» проникла в начало трагедии фактически из ее финала, подытоживая то, что еще не состоялось и обещая читателю, что «не останется никого», потому что «зачем оставаться».

Но прежде чем говорить об этом «зачем», еще раз посмотрим на то, что нам уже известно.

В выделенной нами части первой первого акта возникает двойная оппозиция, на которой так или иначе сосредоточено читательское внимание. Двойная — потому что она включает в себя как горизонтальную («там — здесь»), так и вертикальную («верх — низ») оси. В том и в другом случае Лжедмитрии являются «краями», разделяющими как горизонтальные, так и вертикальные оппозиции.

Увы, как становится видно из дальнейшего, претендующие быть краями и изначально внутренне противоречивые и противопоставленные друг другу, как «день» и «ночь» и т. п., они «смешиваются» настолько, что в конце концов становится невозможно провести меж них границу. Так исчезает граница, разделяющая героев, а вместе с ней исчезают и другие границы — между «там» и «здесь», «низом» и «верхом» — границы, удерживавшие мир от его поглощения хаосом.

Напрашивается вопрос: как быть с миром, в котором все перепуталось и который стал таким образом миром, повергнутым в хаотическое состояние? В. Ерофеев ответил на этот вопрос в начале своей пьесы (и оно же — ее конец): «Жребий брошен. Круг очерчен. Корабли сожжены». Другими словами: э т о т мир должен быть сокрушен, то есть принесен в жертву, и совершить это может единственный человек — автор.

Известно короткое видеоинтервью В. Ерофеева, записанное в последние годы его жизни, в котором писатель — с улыбкой, не имеющей ничего общего с улыбками так называемой жизнерадостности, — металлическим голосом («металлическим» в буквальном смысле, так как после операции на горле он говорил через специальный аппарат) произносит примерно следующее: «В пьесе, которую я намерен написать вот здесь вот, лежа вот в этой постельке, никто в живых не останется». Что это, если не сокрушительная радость предстоящей жертве, без которой не может произойти смерти и возрождения погибающего мира? Случится ли это возрождение — неизвестно и не может быть известно, но сокрушить то, что должно быть сокрушено, — в силах художника, который может только надеяться на то, что, совершив это жертвоприношение, он сделал шаг к спасению мира.

Библиографический список

1. Ерофеев В. Малая проза. М.: Захаров, 2005. С. 76–86.
2. Ерофеев В.В. Мой очень жизненный путь. М.: Вагриус, 2008.

References

1. Erofeev V. *Malaia proza* [Small prose]. M.: Zakharov, 2005, pp. 76–86 [in Russian].
2. Erofeev V.V. *Moi ochen' zhiznennyi put'* [My very life path]. M.: Vagrius, 2008 [in Russian].

*М.А. Perepelkin, U.A. Kobzar**

TRAGEDY OF V. EROFEEV «FANNY KAPLAN» AS OBLATION

In the article the analysis of narrative and semantic structure of the uncompleted tragedy of V. Erofeev «Fanny Kaplan» is made. The tragedy is interpreted as sacrificing the world taken in by the chaos.

Key words: V. Erofeev, tragedy, narrative and semantic structure, chaos, space, oblation.

Статья поступила в редакцию 22/XI/2016.

The article received 22/XI/2016.

* *Perepelkin Mikhail Anatolievich* (mperepelkin@mail.ru), *Kobzar Uliana Aleksandrovna* (kobzarulya@gmail.com), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.